

Стратегический очерк войны 1914-1918 гг.

Часть 6

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С83

С83 Стратегический очерк войны 1914-1918 гг.: Часть 6 / – М.: Книга по Требованию, 2018. – 154 с.

ISBN 978-5-458-24942-3

Стратегический очерк по исследованию Первой мировой войны, подготовленный для обучения красноармейских офицеров. Содержит документы, раскрывающие сущность действий сторон во время конфликта, с кратким поясняющим анализом. В очерке представлена попытка вывести и сформулировать уроки, данные новой войной, по ещё горячему следам, что сказывается на объеме доступной информации. Книга лишена идеологии и использует объективный научный метод.

ISBN 978-5-458-24942-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В русской печати до сего времени о кампании 1916 г. вышел только один труд: „Стратегический очерк войны 1914—1918 гг.“, ч. 5. Клембовского, издания Военно-Исторической Комиссии, посвященный почти исключительно майскому прорыву Юго-Западного фронта. Таким образом, некоторая часть предлагаемого труда перекрещивается с трудом Клембовского, и она умышленно автором затронута в более обширном размере, чем в таких случаях это вообще полагается, так как, по мнению автора, архивные документы дают общий фон картины несколько иной, чем он выявлен в упомянутом выше издании.

Другая особенность труда заключается в том, что автор, стесненный рамками задания Комиссии, ограничился сухим изложением фактов и только некоторыми намеками из области грядущих исследований их опыта.

Автор дает очень сжатую характеристику некоторых главных персонажей, основанную не на личном впечатлении, а исключительно на том, как они рисуются по архивным документам.

А. Зайончковский.

9 апреля 1922 года.
Москва.

ВВЕДЕНИЕ

„Le temps fera tout connaître; sa justice est lente, mais sûre: elle fait l'espoir et la consolation des gens de bien“.

(M-me Roland à Robespierre. Paris, 25 août 1792 ans soir).

Положение сторон зимой 1915—1916 г. Оценка Алексеевым сражения на Стрыпе в октябре 1915 г. Выработка плана кампании 1916 г. Характер верховного командования. Расположение армий и корпусов перед началом летних операций. Директива Ставки 18 (31) мая и распоряжения по фронтам. Предположения на 1916 г. противной стороны.

Летний период Мировой войны 1916 года застал враждующие стороны на европейском театре в оригинальном положении.

На всем обширном пространстве, на тех границах, до которых докатились воюющие массы в предшествующее лето 1915 года, они как бы застыли, израсходовав весь запас живой энергии, и окаменели на месте. В течение последовавшего зимнего периода армии ушли в землю, закопались, обвили себя колючей проволокой и образовали сплошную линию временных укреплений от моря до моря или до нейтрального маленького соседа, который также, хоть отчасти, мог служить обеспечением фланга длинных укрепленных полос воюющих сторон.

На тысячеверстном пространстве русского европейского фронта выросшая в течение зимы 1915—1916 годов укрепленная полоса имела оригинальный и совсем не поучительный облик.

Как осенью армия случайно после маневренного периода остановилась, так на тех же местах застыла и укреп-

пились. Линия этих укреплений явилась, таким образом, случайной, без общей связующей мысли не только в отношении одной идеи для всех армий русского европейского фронта, но и для частных фронтов.

Правда, на отдельных мелких участках, корпусов и редко армий, постарались укрепления соответственно сгруппировать в тактическом отношении; были даже зачатки и стратегической мысли в отношении участков для переходов в наступление, для будущего развертывания при переходе к активным действиям и для нанесения врагу удара в относительно жизненных для него направлениях. Но все это было в сравнительно узких, мелких размерах, как работа частных исполнителей, не связанных определенно установившейся мыслью верховного командования, приведенной в исполнение волей одного лица.

Причину такого явления следует искать в случайном и одновременном переходе обеих враждующих сторон от маневренной войны к позиционной. Оба врага рассчитывали на кратковременную остановку, начали с естественного в таком положении полевого закрепления, которое при последующем долгом стоянии на одном месте и вылилось в длинную полосу временных укреплений.

Кроме случайности в этом создавшемся положении, сыграло известную роль и незнание, скажу более, неожиданность появления небывалых сплошных грандиозных укрепленных полос от моря до моря. Мы их не предвидели. Они выросли неожиданно; мы к ним применились, но ими не руководили. И дело уже тех лиц, которые будут писать грядущую главу военного искусства, выяснить, каким образом снять оковы укрепленных полос, которые сковывают миллионные армии, или, по крайней мере, использовать их на основах реального искусства, дающего возможность свести войну с мертвой точки борьбы на истощение.

В декабре 1915 года русский фронт решил выйти из окопного оцепенения переходом в наступление своим левым флангом на Стрыше, для чего и была использована сосредоточенная здесь вновь сформированная 7. армия, которой по самому составу ее командования голос армии придавал большое значение. Во главе ее был поставлен Щербачев, бывший продолжительное время и незадолго до войны

начальником Военной (Генерального Штаба) Академии, т.-е. проводший через свои руки целую серию офицеров Генерального Штаба. Штаб его был сформирован в большинстве из его ближайших сотрудников—профессоров той же академии.

Но, несмотря на такой, повидимому, блестящий состав высшего командования армии, наступление на Стрыпе кончилось неудачно и, кроме больших потерь, повлекло за собой убытие, еще большее недоверие к своим маневренным способностям и прекратило до весны наши попытки к широким наступательным операциям. Мы еще глубже засели в землю, т.-е. обратились к тому способу борьбы, в котором техника играет доминирующую роль, а техника и материальные средства, как известно, были не на нашей стороне.

Операция на Стрыпе не входит в программу моего труда ¹⁾, поэтому я ограничусь здесь только перечислением тех кратких причин ее неудачи, которым таковую приписывал начальник штаба Верховного Главнокомандующего Алексеев, в виду общего характера и значения этих ошибок.

Среди более существенных причин неудачного исхода операции Алексеев отмечает ²⁾: а) Отсутствие веры в операцию у г.-а. Иванова и индифферентное отношение его к разработке; много в отношениях хитрил; в самый важный период подготовки менял начальника штаба; оттянул без нужды начало операции на четыре дня, утратив всякое подобие внезапности; не давал руководящих оснований для объединения работы армий, ограничиваясь писанием критического обзора после совершившихся фактов. Но это лишь оправдательные документы для личной репутации, к какой он ревнив. б) Отсутствие вдумчивой, надлежащей разработки плана боя в 9. и 7. армиях. в) Неправильные приемы атаки, в особенности в 9. армии. г) Отсутствие единовременности атаки на фронте 7. армии. д) Сильные позиции, отлично укрепленные; большое количество артиллерии и пулеметов у противника. Всему этому не дали надлежа-

¹⁾ Она вошла в Стратегический очерк, ч. 5-я, Клембовского.

²⁾ Частное письмо его к Жилинскому от 18 (31) января 1916 г. Воен. Учен. Арх. д. Ставки № 450, стр. 533.

щей оценки; повторили те способы, которые удавались ранее при несколько иных условиях. е) Недостаточное количество тяжелой артиллерии и особенно снарядов и не вполне умелое применение наличного... Из всего собранного только пять корпусов приняло участие в бою, да и то не одновременно“.

Бой на Стрыпе был как бы прелюдией к летним операциям 1916 года. Для них он имел значение в двух отношениях. Это была лебединая песня Иванова, как стратега. Выдвинутый однобокими суждениями об его талантливости в Японскую войну 1904—5 годов, культивированный в оригинальную эпоху выбора старшего командного элемента в период 1906—1914 годов и давший некоторые ростки в бытность при нем начальником штаба Алексеева, он захирел, оставшись без него, и к весне 1916 года уступил свое место на посту главнокомандующего Юго-Западного фронта Брусилову.

С другой стороны, атака на Стрыпе показала на практике, с какой силы укрепления и техникой нам при наступлении придется иметь дело и как мы были мало готовы к ведению наступательных операций в широком объеме при наличии этих двух факторов.

Декабрьское наступление сыграло для нас в небольшом размере роль Японской войны. Оно заставило подтянуться, внимательно отнестись к условиям наступления в современной обстановке и в этом отношении не осталось без влияния на успех летнего прорыва.

Зачаток идеи летних операций относится к февралю 1916 года, когда они впервые приняли определенную форму в виде предположений, утвержденных верховным командованием. Правда, впоследствии предположения эти были изменены в подробностях, благодаря переменявшимся обстоятельствам, но в общем характер их был сохранен.

В отношении верховного командования русская армия находилась в минувшую войну в несколько сложных условиях. Коалиционный характер европейской борьбы невольно нарушал принцип единой воли в направлении военных операций. На стороне дружественного нам Согласия не было лица, которое могло бы сконцентрировать только в своих одних руках единую волю, направлявшую к одной цели

армии всех союзных государств. Таким лицом мог быть только Верховный Главнокомандующий русскими вооруженными силами, так как он был главой самого обширного из всех воюющих государств и верховным руководителем самой мощной армии.

Но в действительности Россия не могла или не захотела взять этой роли на себя. Она уступила ее коллективному учреждению в образе совещания представителей союзных армий, которое преимущественно собиралось во Франции.

Уже один этот факт, да при том еще условии, что по географическому положению верховное командование Франции и Англия могло иметь частый личный обмен мнений, а наше командование было этого лишено, показывает, во-первых, что единая воля союзных армий дружественной нам стороны была весьма разжижена коллективом, в котором невольно первую роль должен был играть французский главнокомандующий Жоффри, а во-вторых, что в этом коллективе интересы французской и английской армий, более тесно связанных и общностью фронта, и общностью политических задач, доминировали над интересами русской армии.

Выше цитированное уже письмо Алексеева к Жилинскому посвящает несколько колоритных строк и этой верховной конференции. „Изучение присланных вами протоколов конференции, пишет он, отчасти показывает малое понимание сложности обстановки и положения, общих интересов, а главное—тенденцию Жоффра. Заключение, что Франция, имеющая 2.200.000 бойцов, должна быть пассивна, а Англия, Италия и Россия должны „истощать“ Германию,—тенденциозно и не вяжется с грубым мнением Жоффра, что одна Франция ведет войну. Думаю, что спокойная, внушительная отповедь, решительная по тону, на все подобные выходки и нелепости стратегические безусловно необходима. Хуже того, что есть, в отношениях не будет. Но мы им очень нужны; на словах они могут храбриться, но на деле на такое поведение не решатся. За все, нами получаемое, они снимут с нас последнюю рубашку. Это ведь не услуга, а очень выгодная сделка. Но выгоды должны быть хоть немного обоюдные, а не односторонние“.

В самом факте войны в составе коалиции и в существовании конференции военных представителей при невольно

доминирующей роли в ней французского главнокомандующего принцип единой воли дал уже некоторую трещину. Трещина эта еще более увеличивалась благодаря характеру начальника штаба Верховного Главнокомандующего М. В. Алексеева. Будучи фактическим Верховным Главнокомандующим, Алексеев, наиболее подходящий, чем кто-либо другой, к роли начальника штаба, не был способен, остановившись на определенной идее, властно провести ее в жизнь. Он применял в широком масштабе принцип увещаний и доказательств, но дальше этого не шел. Отсюда нередко происходило расползание хорошо задуманной операции в разные стороны и отмены, практиковавшиеся в огромных размерах. Короче говоря, у нас на фронте не было Верховного Главнокомандующего, а также своего рода маленькая коллегия из главнокомандующих фронтами, где каждый был менее ответственен, чем Алексеев, но более настойчив в своих требованиях, почему и срывал неоднократно решения Алексеева.

За отправную точку летних операций 1916 года следует считать записку Алексеева, представленную Верховному Главнокомандующему 5 (18) февраля 1916 года. Она заключала предположение об операциях в текущем году, основанное на постановлении конференции в Шантильи, состоявшейся 6—8 декабря 1915 года ¹⁾.

Совещание представителей союзных армий, собранных под председательством Жоффра, выработало следующие общие предположения для согласованных действий всех участников коалиции:

1. Решение войны может быть достигнуто только на главных театрах (русском, англо-французском и итальянском); на театры же второстепенные следует выделять наименьшее количество сил.

2. Решения следует искать в согласованных наступлениях на главных фронтах, чтобы этим не позволить противнику перебрасывать свои резервы с одного фронта на другой.

¹⁾ Воен. Учен. Арх. д. Ставки № 703.

3. На каждом из главных фронтов вести, до перехода в общее наступление, действия, истощающие живую силу противника.

4. При этом каждая из союзных держав должна быть готова остановить на своем фронте собственными силами наступление противника, а, в случае его наступления против одной из держав, остальные должны оказать ей поддержку в полных пределах возможного.

Алексеева не удовлетворило такое постановление совещания, в виду отсутствия в нем определенных указаний на возможность согласованности действий и в виду безнадежности совместной работы с итальянской армией, не могущей открыть себе собственными силами пути с реки Изонцо.

Все эти соображения, совместно с необходимостью, по мнению Алексеева, постепенно сжимать район действий противника, побудили русскую Ставку сделать с своей стороны более реальное предложение о совместных действиях.

Наше предложение сводилось к нанесению главного удара в наиболее, как полагал Алексеев, опасном для противника направлении, там, где он менее всего подготовлен и где обеспечивалось участие в ударе большей части союзников. Таким пунктом, по мнению автора записки, являлся Балканский полуостров.

Русской Ставке это совместное наступление на Балканы рисовалось в таком виде. Не менее 10 англо-французских корпусов должны были наступать от Салоник на Дунай и далее на Будапешт; туда же предполагалось направить с нашего фронта сильную русскую армию.

Успех этих совместных действий открывал итальянцам путь наступления на Вену, вполне обеспечивал Румынию и, может быть, побудил бы ее присоединиться к нам.

Такое предложение союзниками было отклонено, да это и вполне понятно. Трудно было рассчитывать на то, чтобы англо-французы сняли со своего фронта, прикрывавшего Париж, несколько корпусов. Кроме того, план нашей Ставки отличался своей сложностью, не приводил к конечной цели и переносил центр главных операций в район, трудный по местным условиям и мало обеспеченный рельсовыми и грунтовыми путями.

Другая привходящая данная, которая оказывала влияние на наши операции летом 1916 года, заключалась в вопросе о том положении, которое займет Румыния. Для нее наступало время выявить свое политическое лицо и стать на ту или другую сторону. Немцы готовились предъявить румынам ультиматум и потребовать обязательного нейтралитета с демобилизацией армии или же присоединения Румынии к враждебному нам союзу.

В результате всех приведенных соображений, Алексеев останавливался на необходимости принять такой план, который исключал бы изолированные атаки одной нашей армии, но во всяком случае требовал от нас приготовиться к нанесению сильного удара противнику. Неопределенное же положение Румынии ложилось, по мнению Алексеева, тяжелым бременем на наши соображения.

Численность русских армий на европейском фронте доходила к февралю 1916 года до 1.700.000 штыков и сабель. Дальнейшее увеличение числа их зависело от притока винтовок. В отношении противника мы имели перевес свыше 700.000 штыков и сабель, который почти в целом составе ложился на район к северу от Полесья. Юго-Западный фронт имел в то время перевес только в 71.000 штыков и сабель. Алексеев рассчитывал к лету довести армию до 2.000.000 бойцов. Тяжелой артиллерией и техническими средствами мы попрежнему были бедны, а на помощь в этом отношении союзников мы могли рассчитывать не раньше июля, когда будут насыщены артиллерией их новые формирования ¹⁾.

Данные по скорости переброски немцами своих войск с одного фронта на другой сводились, по исследованию французов, к тому, что, везя корпуса по двум направлениям, они перекидывали с одного фронта на другой два корпуса в две недели. Переброска же войск на одном фронте или же частей, расположенных внутри страны, делалась еще скорее.

Обращаясь к плану нашего наступления, Алексеев высказывал, что первенствующее значение бесспорно принадлежит театру к северу от Полесья, прикрывающему пути к

¹⁾ Письмо Алексеева Жилинскому 16/I 1916 г.